

Рассказ появился в 1946 г. на волне активных публикаций А. Платонова в годы Великой Отечественной войны (в этот период вышло шесть книг писателя, в то время как за все 30-е годы — одна): Без каких-либо объективных оснований рассказ был объявлен клеветническим⁷.

В рассказе, написанном о первых послевоенных днях в первые послевоенные дни, господствуют два мотива, которым суждено было стать очень популярными в советской литературе о войне: «дом» и «дорога» (достаточно вспомнить поэму А. Т. Твардовского «Дом у дороги»). В столкновении этих мотивов — источник динамики рассказа Платонова. Их реальное воплощение — родной дом демобилизованного солдата Иванова и железная дорога, по которой он едет домой и затем уезжает из дома. С «домом» и «дорогой» связаны два источника жизненных ощущений героя. Каждый из мотивов освещен женским образом. Чувство дома, ощущение покоя, с ним связанного, приносит Иванову встреча с Любой: «Иванов приблизился к жене, обнял ее и так стоял с ней, не разлучаясь, чувствуя забытое и знакомое тепло любимого человека». Как отрицание запаха дома вспоминается герою запах волос Маши — его спутницы в дороге с фронта: они «пахли лесною листвою, незнакомой, заросшей дорогой, не домом, а снова тревожной жизнью».

Этой тревожной жизнью наполнена душа Иванова, переступившего порог родного дома: им забыто давнее, довоенное, но недавнее не изжито, существует в нем как норма, как мерило сегодняшнего. Уже поэтому его возвращение в семью чревато драмой: «Странен и не совсем понятен был Иванову родной дом (...) что-то мешало Иванову чувствовать радость своего возвращения всем сердцем — вероятно, он слишком отвык от домашней жизни и не мог сразу понять даже самых близких, родных людей».

Иванов, прошедший фронт, не может понять жены Любы, прожившей трудные годы войны в излюбленной Платоновым жизненной (психологической) ситуации «у последней черты», суть которой так четко высказалась в реплике сына Иванова — Пашки, с болью слушавшего ссору родителей: «У нас дело есть, *жить надо*, а вы ругаетесь, как глупые какие». Перед главным аргументом — «жить надо» — обесмысливаются любые частные аргументы спорящих.

Люба пытается объяснить именно это мужу, рассказывая о своей измене: «И я не стерпела жизни и тоски по тебе. А если бы стерпела, я бы умерла, я знаю, что я бы умерла тогда, а у меня дети... Мне нужно было почувствовать что-нибудь другое, Алеша, какую-нибудь радость, чтоб я отдохнула». В непосредственной сомкнутости таких двух состояний, как жизнь и смерть — психологический источник поведения героини. Иванов познал близость смерти на войне, но ситуация, о которой говорит Люба, — явление тыловой жизни, полной трудноразрешимых каждодневных забот и ответственности не за себя, а за других, еще более слабых и беспомощных. Иванов не хочет (да вряд ли может) почувствовать открытую ему Любой драму выживания человеческого сердца за счет «какой-нибудь радости», не в состоянии ощутить, что смерть «сердца», угасание души в Любе механически привели бы и к ее смерти, а значит, и смерти их детей.

Заявленное уже в начале рассказа противостояние «дома» и «дороги» в конце его достигает трагического диапазона. Иванов едет мимо оставленного им дома, и его дети бегут по дороге к его поезду, за ним. Душевное очерствение Иванова в этот момент опредмечено Платоновым в такой детали: он смотрит на детей, бегущих к поезду, и не узнает в них своих детей. Трагическая слепота разрешается прозрением героя. «Иванов закрыл глаза, не желая видеть и чувствовать боли упавших, обессиленных

⁷ Ермилов В. Клеветнический рассказ А. Платонова. — «Лит. газета», 1947, 4 янв.